

Д.А. Мещеряков

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**МАТЕРИАЛЫ
XXX
МЕЖВУЗОВСКОЙ
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
И АСПИРАНТОВ**

Выпуск 16
**РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК ИНОСТРАННЫЙ
И МЕТОДИКА ЕГО
ПРЕПОДАВАНИЯ**
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ,
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
Часть 1

*1-17 марта 2001 г.
Санкт-Петербург*

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2001

но к русскому языку как иностранному ее развили и обосновали, что общеизвестно, Е. М. Верецагин и В. Г. Костомаров. Они ввели в учебный и научный обиход термин и понятие «лингвострановедение», определив им, в конечном счете, пятый аспект преподавания языка². Постепенно этот термин вошел в теорию и практику преподавания и других иностранных языков, хотя методистами одновременно предлагались и другие номинации. Несомненно, что идеология, господствовавшая у нас долгое время, способствовала привлечению внимания к этой стороне учебного процесса: обучавшихся в нашей стране иностранцев рассматривали в перспективе как сторонников тогдашней политической системы, и в работе с ними рекомендовалось акцентировать внимание на достижениях социалистической действительности. Справедливости ради надо отметить, что идеологизация учебного процесса была порождением не советского строя — от нее не отказывались и в других, противостоящих СССР странах³. Тем не менее заслуга Е. М. Верецагина и В. Г. Костомарова и их последователей в создании соответствующей методики для реализации давней идеи несомненна. В этой связи нам хотелось бы высказать свое мнение, может быть и ошибочное, об их последней работе⁴. Читателю предлагается подумать над новым термином «логоспистема». Им определяется «тот трудноуловимый феномен, который (если наметнуть на его суть) синтезирует в себе исчисленные смыслы как ЛФонов, так и РПТактик и представляет собой одну из национально-культурных реализаций определенной общечеловеческой „идеи“»⁵. Далее излагаются тридцать дискуссионных тезисов, призванных подвести читателя к окончательному определению предлагаемого понятия. Думается, что эти рассуждения вряд ли чем-то могут быть полезны преподавателю-практику в его нелегком труде.

Что же изменилось в настоящее время в практике обучения иностранцев русскому языку? Изменилась, во-первых, экстралингвистическая ситуация. На наш взгляд, надо откровенно признать факт падения международного авторитета нашей страны. И как следствие этого — падение авторитета русского языка и количества изучающих его иностранцев. В 47 государственных вузах нашего города обучаются сейчас 159,3 тыс. студентов, среди которых иностранцы составляют 2,5%; в 1980-е гг. их было более 10%⁶. Резко сократился и весь комплекс учебно-воспитательных мероприятий, проводимых нами ранее.

В связи с изменением идеологических ориентиров меняются тематическая и содержательная составляющие носителей культурологической информации, среди которых основным является текст. Бесспорно, профессиональные тексты по-прежнему не теряют своей значимости. Но все ли даже мы, работающие в Санкт-Петербург-

ском университете, знаем, например, какие периодические издания этой категории имеются на факультетах? Мы неоднократно обращали внимание на необходимость более интенсивного использования в ходе учебного процесса местного культурного потенциала: топонимики, истории и современной жизни вуза, микрорайона, города. Это дает возможность более эффективного ознакомления с нашей культурой методом индукции.

Представляется также, что изменения, происходящие в нашей общественной жизни в последнее время, подталкивают к использованию в ходе обучения церковных и мифологических сюжетов и соответствующей лексики.

Все изложенное не исключает обращения к этническим, психологическим и лингвистическим реалиям, присущим родной для учащихся культуре, особенно в национально однородных группах.

Естественно, что учет отмеченных факторов требует от преподавателя соответствующей компетенции.

Примечания

¹ См., например: *Ендольцев Ю. А.* Культурологическая идея и трансформация ее в учебном процессе // *Язык, культура и общение в условиях краткосрочного обучения.* СПб., 2000. С. 33—37.

² *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1990. С. 37.

³ *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1997.

⁴ *Верецагин Е. М., Костомаров В. Г.* В поисках путей развития лингвострановедения: Концепция логоспистемы: Дом бытия языка. М., 2000.

⁵ Там же. С. 106.

⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 2001. 25 янв. С. 1.

И. Б. Дягилева

Санкт-Петербургский государственный университет

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ЧАСТИЦЕЙ ЛИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, частица *ли* полисемантическая: 1) является компонентом формы неместоименных вопросов (*Велико ли различие между боксом любителей и профессионалов?*; *Увидимся ли мы когда-нибудь?*); 2) оформляет косвенные вопросы (*Я смотрю, нет ли кого на дворе?*); 3) употребляется в диалогической речи при повторе вопроса собеседника перед тем, как на него ответить (*А. — Вы поедете в Москву? Б. — Поеду ли я в Москву? Я еще не решил*). Частица

ли в подобных примерах обязательна, такие предложения «находятся на грани между прямым и косвенным вопросом»¹.

Частица *ли* употребляется во всех стилях речи, занимает 12-е место среди частиц по частотности употребления (1160 употреблений зафиксированы в частотном словаре русского языка под редакцией Л. Н. Засориной²). Овладение вопросительными конструкциями с частицей *ли* является важным фактором при формировании коммуникативной компетенции иностранных учащихся.

Частица *ли* всегда примыкает к ударяемому слову справа (*Ско-ро ли начнутся каникулы?*; *Все ли здесь?*); она может менять свою позицию в предложении (*Читала ли Надя эту книгу?*; *Надя читала ли эту книгу?*; *Эту книгу Надя читала ли?*). Обычно частица *ли* занимает позицию после логически выделяемого предиката, начинающего вопросительное предложение (*Узнал ли ты меня? — спросил я его, — мы с тобою старые знакомые*³). При препозитивном положении предиката логическое и фразовое ударения могут не совпадать⁴ (*Был ли Ковалев (а не кто-то другой) весной в Москве?*; *Был ли Ковалев весной (а не летом) в Москве?*; *Был ли Ковалев в Москве (а не в другом городе)?*).

В устной речи вопросы с частицей *ли* встречаются реже, чем в речи письменной. По наблюдениям Н. А. Лобановой⁵, в речи иностранных учащихся, наоборот, почти полностью отсутствуют вопросы без частицы *ли*, такие, как: *Он придет сегодня вечером?*

Частица *ли* может употребляться в разных с функциональной точки зрения вопросительных предложениях: чисто информативных, риторических и предположительных.

Чисто информативным является эмоционально не окрашенный вопрос, занимающий нейтральное положение в отношении положительности/отрицательности, он используется, когда у говорящего нет оснований предполагать, что одна из двух альтернатив более вероятна, чем другая (*Недавно еще, проезжая через местечко ***, вспомнил я о моем приятеле; я узнал, что станция, над которой он начальствовал, уже уничтожена. На вопрос мой: «Жив ли старый смотритель?» — никто не мог дать мне удовлетворительного ответа*⁶).

В риторическом вопросе реализуется значение экспрессивно окрашенного сообщения, положительная форма выражает отрицательный смысл (*Платонов. Здравствуйте, ваше превосходительство! Анна Петровна. Жестокый, нелюбезный... Можно ли заставить ждать себя так долго? Ведь вы знаете, как я нетерпелива?*⁷).

Предположительный вопрос занимает промежуточное положение между чисто информативным и риторическим вопросами. Говорящий, задавая вопрос, хочет удостовериться в реальности того или

иного события или факта, так как сомневается в большей или меньшей степени в его истинности (*Я бродил по городу; возвращался домой, выходил снова. — Вы ли господин Н.? — раздался вдруг за мною детский голос. Я оглянулся; передо мною стоял мальчик. — Это вам от фрейлин Annette, — прибавил он, подавая мне записку*⁸).

В художественной литературе широко представлены рефлексивные вопросы, в которых отражаются внутренние сомнения, неуверенность говорящего в реальности или возможности какого-либо факта. Адресатом выступает сам спрашивающий (*Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны пуще всего меня мучила. Где она? Что с нею? Успела ли спрятаться? Надежно ли ее убежище?.. Полный тревожными мыслями, я вошел в комендантский дом*⁹).

Частица *ли* употребляется только в вопросительных предложениях. Исходя из этого, ряд исследователей пришли к выводу, что «быть показателем формальной вопросительности — это и есть общая, первичная функция частицы *ли*, ее основа существования»¹⁰. Такому пониманию функционирования частицы способствует и невозможность ее изолированного употребления (в отличие, например, от вопросительных частиц *разве* и *неужели*).

Однако при сравнении двух интеррогативных высказываний, отличающихся только наличием или отсутствием в них частицы *ли*, можно отметить, что они не являются синонимичными (ср.: *Она сестра его? — Она сестра ли его?*). В вопросе без частицы говорящий предполагает наличие факта «она его сестра», но как положительный, так и отрицательный ответы являются для него одинаково вероятными. В предложении с частицей *ли* говорящий сомневается в истинности факта «она его сестра», следовательно, в ответе он ожидает, что его сомнение будет или подтверждено, или опровергнуто. Таким образом, частица *ли* может быть не только сигнализатором интеррогативности, но быть и средством выражения субъективной модальности, что характерно для всех частиц.

В наибольшей степени сближаются вопросы с частицей и без нее при препозитивном положении предиката в предложении с частицей и при прямом порядке слов в предложениях без нее (*Вы планируете возродить добрую традицию?; Планируете ли вы возродить добрую традицию?*).

Предложения с частицей *ли* всегда связаны семантически с контекстом. Контекст способствует направленной реализации того или иного смысла частицы. Так, одно и то же предложение, помещенное в различное контекстное окружение, будет иметь разные значения (*Он живет в деревне один. Проживет, много ли ему надо?* (эмоциональное утверждение обратного, выраженное риторическим вопросом); — *Иван просил привезти цемент. — Много ли ему надо?*

(вопрос, заданный с целью получения информации) — *Три мешка; — Антон хотел купить у тебя кассеты. — Много ему надо? — Много ли ему надо?* (говорящий сомневается, какой ответ дать на поставленный вопрос) — *Наверное, трех хватит*).

Для большинства частиц характерна функция связи между предложениями в тексте, что справедливо и для частицы *ли* (*— У меня дома плохо работают батареи. Существуют ли какие-нибудь нормы температуры воздуха в квартире зимой?; — Михаил Борисович, вы специалист по Востоку. Есть ли какая-либо восточная мудрость, которая помогает вам преодолевать все трудности в работе?*). В приведенных примерах говорящий сначала излагает известный ему факт, на основе которого он и строит свое предположение, выраженное общим вопросом с частицей *ли*.

Итак, основная функция частицы *ли* — быть показателем формальной вопросительности; в определенных контекстах частица *ли* выполняет функцию передачи эпистемического отношения говорящего к сообщаемому. Для выражения субъективно-модальных значений частица *ли* нуждается в расширенном контексте, или, по терминологии Т. М. Николаевой¹¹, у нее есть установка на контекст. Это положение подтверждает наблюдения П. Рестана, который отмечал, что «риторичность и дубитативность сильно содействуют употреблению частицы *ли*», а «в чисто информативных вопросах употребление *ли* до некоторой степени лексически ограничено, чаще всего *ли* может быть при глаголах, обозначающих восприятие или умственную деятельность (*можете ли вы, умеете ли вы, знаете ли ты...*)»¹².

Частица *ли* в составе вопросительных предложений обуславливает их интонационную, структурную, функциональную и семантическую специфику в сравнении с соответствующими им вопросительными предложениями без вопросительных частиц.

Примечания

¹ Рестан П. Синтаксис вопросительного предложения. Осло, 1971. С. 120.

² Засорина Л. П. Частотный словарь русского языка. М., 1977.

³ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1978. С. 76.

⁴ Расповов И. П. К вопросу о частицах в современном русском языке // Русский язык в школе. 1955. № 6. С. 17.

⁵ Лобанова Н. А. Вопросительные и отрицательные предложения в русском языке. М., 1971. С. 15.

⁶ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 81.

⁷ Чехов А. П. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1989. С. 14.

⁸ Тургенев И. С. Первая любовь. М., 1989. С. 46.

⁹ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 288.

¹⁰ Рестан П. Указ. соч. С. 123.

¹¹ Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании. М., 1985. С. 103.

¹² Рестан П. Указ. соч. С. 118.

М. В. Румянцева

Санкт-Петербургский государственный университет

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМПАТИИ В РОМАНЕ М. А. БУЛГАКОВА «ЖИЗНЬ ГОСПОДИНА ДЕ МОЛЬЕРА»

Расцвет коммуникативной лингвистики, признающей в качестве важнейшей роль личности в системе речевой деятельности, позволяет с разных сторон проанализировать закономерности как собственно семантико-синтаксических явлений, так и их дополнительных смыслов, помогая тем самым развитию лексико-грамматической компетенции овладевающего языком учащегося.

Прежде чем рассматривать случаи употребления эмпатии с точки зрения лингвистики, следует обратиться к определению этого феномена в психологии. Межличностное взаимодействие невозможно без взаимопонимания. При этом очень важно, как воспринимается партнер по общению. В данном случае речь идет об особенностях межличностной перцепции. Это объясняется в психологии общения таким образом: «человек осознает себя через другого человека посредством определенных механизмов межличностной перцепции», к которым относится, во-первых, «познание и понимание людьми друг друга (идентификация, эмпатия, аттракция)»¹. В психологии общения понятия идентификации, эмпатии и аттракции различаются. Идентификация рассматривается в качестве способа познания другого человека, при котором предположение о его внутреннем состоянии строится на основе попыток поставить себя на место партнера по общению. Под эмпатией понимается эмоциональное сопереживание другому. Эмпатия основана на умении правильно представить себе, что происходит в душе другого человека, что он переживает, как оценивает окружающий мир. Аттракция представляет собой форму познания другого человека, основанную на формировании устойчивого позитивного чувства к нему. В данном случае понимание партнера по общению возникает благодаря формированию привязанности к нему, дружескому или более глубокому интимно-личностному отношению. Ко второму средству межличностной перцепции относят рефлексию — познание самого себя в процессе общения; а к третьему — прогнозирование поведения партнера по общению (каузальную атрибуцию)².

В межличностном (контактном или дистантном) взаимодействии говорящий (или пишущий) использует высказывание с нужным для своих целей коммуникативным заданием, с помощью семантики высказывания выражает свое отношение к действительности, к участникам коммуникации с собственной точки зрения, с точки зрения слушающего или лица, не участвующего в общении.